

Думать ...

«Московский комсомолец», 13 марта 1968

Казалось бы, они очень далеки друг от друга – философия и молодость. Философия чаще всего представляется в образе убежденного сединами мудреца, размышляющего в спокойном уединении о всеобщих закономерностях мироздания, о таинственных глубинах бытия и познания, о «трансцендентальном единстве апперцепции» и тому подобных сюжетах, в образе отрешенного от мирской суеты, от радостей ее и горестей старца, постигшего на склоне лет ту истину, что спокойнее и правильнее всего – ни над чем не смеяться, ни о чем не плакать, а все понимать...

У молодости отношение к такому занятию, по-видимому, естественное: успеется...

Что из того, что позднее придет осень жизни? Тогда и будет время подумать. А пока есть силы –

«Стремитесь к солнцу, друзья мои, чтобы скорее созрело счастье рода человеческого! Что значат мешающие нам сучья и ветви? Продирайтесь сквозь заросли к солнцу! А устанете – тоже не беда, – тем слаще будете спать!» (молодой Гегель).

Молодости свойствен безоблачный оптимизм. И это очень хорошо. Но все же лучше, когда этот оптимизм – не телячий. Ибо бездумный оптимизм – опора в жизни непрочная. Чаще всего хватает его ненадолго, и тогда перед нами трагикомическая фигура смолоду разочарованного в жизни («познавшего жизнь») «философа», эдакого доморощенного Шопенгауэра. «Он пел поблекший жизни цвет без малого в осьмнадцать лет». Разлетелся навстречу всем ветрам, не глядя под ноги, и споткнулся о первый попавшийся камешек.

Коварную шутку может сыграть с человеком оптимизм, ежели он бездумный. И становится тогда молодость легкой добычей для философии, только, увы, далеко не лучшей и, несмотря на свою мудрую внешность, ничуть не более глубокой, чем покинутый ради нее младенческий оптимизм. Философии, которая как и религия, зорко подстерегает человека в минуты горя, в годину несчастья, в час неожиданно грянувшей беды.

И лучше все-таки не ждать, пока такая философия, выбрав момент, хищно вцепится своими когтями в твою удрученную неудачами голову, прикинувшись доброй утешительницей, а позаботиться о том, чтобы вовремя, пока не потускнел еще естественный и законный оптимизм молодости, подружиться с хорошей, настоящей философией.

С философией, которая учит видеть одинаково ясно и розы, и шипы реальной жизни.

Потребность «занять свой ум», потребность думать, мыслить... Вряд ли приходится доказывать, что ум – это не роскошь.

Но далеко не каждый (и даже весьма умный) понимает, что ум, умение думать, способность умело мыслить – это способность, которая вовсе не достается человеку даром, каждый человек может и должен сам в себе воспитать ее, развить, постоянно тренируя орган мышления – мозг.

Здесь как раз и обнаруживается вся глубина и точность философии Маркса и Ленина, подтверждается справедливость аксиомы диалектики, согласно которой именно противоречие является движущей пружиной, стимулом и «мотором» всякого развития. В том числе и развития ума.

Когда в составе научного знания вдруг появляется противоречие (одни начинают говорить так, а другие – этак), тогда только и возникает, собственно, необходимость глубже и конкретнее рассмотреть сам предмет. Противоречие в данном случае выступает как четкий показатель и индикатор того обстоятельства, что готовое, уже завоеванное знание, зафиксированное в общепризнанных «положениях», в данном случае оказалось недостаточным для точного строго однозначного решения. Это показывает, что имеющееся знание чересчур общо, чересчур абстрактно и поэтому может служить основанием для прямо противоположных выводов, каждый из коих по-своему справедлив и равно обоснован.

Педантический ум, смолоду приученный к действиям по штампу, по готовому рецепту «типового решения» (то есть по схеме, изготовленной для него другими людьми), в этом пункте сразу же теряется, начинает метаться, опять и опять соскальзывая на проторенные и затоптанные рутинные пути решения. А поскольку это опять приводит к тому же самому противоречию, то есть задача по-прежнему остается неразрешенной, он впадает в истерику. Педант-догматик поэтому и не любит противоречий.

Вообще отношение к «противоречию» является самым точным критерием культуры ума.

Когда-то в лаборатории И.П. Павлова над собакой производили такой эксперимент: у нее старательно отработали положительный слюноотделительный рефлекс на изображение круга и отрицательный – на изображение эллипса: собака быстро научилась точно отличать круг от эллипса; затем в один прекрасный день этой ученой собаке предлагали несколько более сложную задачу – ей показали круг, а затем начинали поворачивать его так, чтобы он (с точки зрения собаки) превращался в эллипс. Собака начинала беспокоиться, а затем либо впадала в самую настоящую истерику, либо в тупую апатию, переставая вообще на что-либо реагировать, обиженно отворачивая морду и от круга и от эллипса, не желая их различать. Для собаки это было непереносимо – напряжение этого состояния ее мозг вынести не мог. Он отказывался решать задачу именно в тот коварный момент, когда происходило превращение «А» – в «не А».

Это тот самый момент, в отношении к которому четко и ясно выявляется принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности любого животного. Здесь оно видно ясно, как на ладони, и павловский эксперимент можно рассматривать как блестящее подтверждение слов Энгельса:

«Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование.

Наоборот, диалектическое мышление – именно потому, что оно своей предпосылкой имеет исследование самих понятий, – возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки), и достигает своего полного развития только позже, в новейшей философии...».

Диалектика, диалектическое мышление – это не мистическое таинственное искусство, свойственное лишь избранным умам, философам по профессии, хотя впервые принципы его

и были четко установлены лишь в философии. Это просто-напросто действительная логика действительного человеческого мышления, и воспитываться оно может и должно уже в молодости.

А начинается оно именно там, где человек – в отличие от собаки – научается, по выражению Гегеля, выносить «напряжение противоречия», а затем находить этому противоречию действительное, а не словесное разрешение.

Для человека это, собственно, и есть сигнал для включения мышления в его специально человеческом смысле – сигнал к самостоятельному рассмотрению самой вещи (а не к воспоминанию того, что об этой вещи сказали другие люди)...

...Не так давно на одном из совещаний, посвященных школьному образованию, разбирался вопрос о причинах, по которым у многих старшеклассников снижается интерес к науке, а как следствие – и результаты обучения, теоретическая культура выпускников, оказываются ниже, чем следовало бы. По ходу обсуждения один из заслуженных деятелей нашей математической науки высказал примечательную мысль. Одну из главных причин тревожного явления он увидел в том, что в школьных программах и учебниках «слишком много окончательно установленного», «слишком много абсолютных истин», подлежащих только заучиванию. А заучивание не развивает ума, вызывает скуку и падение интереса к вещам.

А сколько людей ушло из школы в жизнь, усвоив (то есть зазубрив) «несомненные» и потому не подлежащие дальнейшему обдумыванию фразы из учебников, частью верные, частью весьма поверхностные, и на том успокоившись на всю жизнь? Любые фразы, как верные, так и вздорные, начинают казаться одинаково «несомненными», особенно, если их произносят «от имени науки» от имени авторитета. А тогда как же разобраться, где подлинная Наука, а где сомнительный ее суррогат?

Могут сказать, что молодежи надо внушать «правильные истины», «твердо установленные основы», «абсолютно достоверные» принципы знания и морали, а не сеять в не окрепшие еще мозги сомнения, противоречащие друг другу утверждения и скепсис.

Верно. Но не следует ни на секунду забывать, что все эти «твердо установленные основы», будь то основы Науки или Нравственности, сами суть не что иное, как содержательные ответы, с трудом найденные людьми, не что иное, как формулы, доставшиеся людям после тяжкого труда, в ходе решения трудных задач, не что иное, как разрешенные когда-то и кем-то противоречия, а не «жареные рябчики абсолютной науки», свалившиеся с небес абсолютной истины, с трона авторитета. Ведь и жареного рябчика кто-то должен сначала застрелить и зажарить.

И этому искусству (а не заглатыванию пережеванной чужими зубами пищи) нужно учиться с детства, в молодости. Потом будет поздно.

«Голый результат без пути, к нему ведущего, – есть труп», – так красочно выразился великий диалектик Гегель про «истину», превратившуюся в догму, в застывшую формулу и в этом виде заученную. Даже самая верная сама по себе истина становится трупом, когда ее усваивают таким вот образом, то есть не знают и не понимают, какое именно противоречие нашло в ней свое единственно верное разрешение, ответом на решение какой именно задачи или проблемы родилась когда-то эта истина.

Отделенная от пути, к ней приведшего, от поиска, от работы ума, ее создавшего, любая истина становится «трупом». И тогда мертвый хватается живого, не дает ему идти вперед по пути истины.

Культура человеческого мышления вообще состоит в том, чтобы всегда суметь видеть конкретность факта, выявить в этом факте противоречие и, остро сформулировав его, искать затем ему разрешение. А это достигается умением полемизировать с самим собой. Диалектически мыслящий (или просто «умный») человек тем и отличается от недиалектически мыслящего, что умеет заранее – наедине с собой – взвешивать все «за» и «против», не дожидаясь, пока эти «против» выскажет ему противник. Он заранее учитывает все «против», их цену и вес и готовит контраргументы.

Человек же, который, готовясь к спору, старательно и пристрастно коллекционирует одни «за», оказывается очень плохо вооруженным. Его бьют тем вернее, тем неожиданнее, чем более он был слеп к тем сторонам действительности, которые могут служить и служат основанием для прямо противоположного взгляда.

Иными словами, ему приходится в споре тем хуже, чем «абсолютнее» и «несомненнее» для него истина, которую он заучил...

Тут-то и проявляется все коварство так называемых «абсолютных истин», зазубренных без понимания, без учета условий, внутри которых они верны. И чем «абсолютнее» и «безусловнее» абстрактная истина, тем ближе она к роковому пункту превращения в свою собственную противоположность.

Дважды два = четыре? Вы уверены, что это абсолютно-несомненная истина? В таком случае из вас никогда не получится математик. Получится счетчик-вычислитель, могущий работать под чужим руководством, под наблюдением настоящего математика, знающего, что дело обстоит далеко не столь просто.

Если вы «сложите» две и две капли жидкости, то получите одну большую каплю, а вовсе не четыре. Или сорок четыре. А может быть, и пять.

Дважды два = четыре, как и любой закон природы и общества, верен лишь там и тогда, где и когда соблюдены (имеются налицо) все условия его действия и его «применимости». Когда есть предмет, подчиняющийся этому закону.

Любой реальный конкретный процесс – будь то в обществе или в природе – всегда представляет собой сложнейшее переплетение различных тенденций, выражаемых «разными» законами и формулами. Отсюда-то и получается, что каждый из этих законов науки может быть совершенно справедлив и очень точно сформулирован, а общая картина процесса в целом окажется все-таки совершенно не похожей ни на одно из своих «абстрактных изображений», будет «опровергать» каждое из них (каждую верную формулу или правило), взятое порознь... И эти абстрактные изображения тоже будут взаимно «опровергать друг друга».

Это не потому, что одни теоретики говорят так, а другие эдак, а по той причине, что «разные стороны» реального события, реального факта, верно выраженные в «разных формулах», реально противоречат друг другу, «опровергают одна другую», вносят друг в друга «поправки», «искажения».

Отсюда и получается, что когда вы прямо накладываете «абстрактную формулу» (даже такую, как « $2 \times 2 = 4$ ») на конкретный факт, между ними может возникать самое настоящее противоречие даже при том условии, что эта формула сама по себе совершенно верна.

И если вы столкнулись с такой ситуацией, когда очевидный факт «противоречит» усвоенной вами «научной формуле» и «опровергает» ее, то не спешите разочаровываться в «научной формуле», не спешите объявлять ее «иллюзией», «обманом», «заблуждением». Заблуждение тут может таиться вовсе не в научной формуле, а в вашем к ней отношении, в вашем ее понимании.

Не научная формула требует тут исправления, а только ваше ее догматическое понимание, которое как раз и состоит в ложном представлении, будто каждая научная формула обязана накладываться на факт прямо, непосредственно, без противоречия и что факт, со своей стороны, обязан прямо и тоже без противоречия, послушно «подводиться» под абстрактную формулу...

Поэтому человек, смолоду приученный к догматическому мышлению, обречен на очень неприятные для себя столкновения с жизнью.

Что догматизм рано или поздно с неизбежностью вырождается в скепсис – это давно известный философии и психологии закон. Понимая это, Гегель расценивал «скептицизм» как следующую за «догматизмом» и в известном смысле более высокую форму «развития духа», – как естественную ступень и форму преодоления наивного догматизма. Ибо если догматик всегда упорствует, защищая одну абстрактную половинку истины против другой, не умея сам предмет спора увидеть и в его рассмотрении найти умное и конкретное разрешение противоречия, то скептик, также не умея это сделать, по крайней мере видит обе половинки. И колеблется между ними, не в силах (не имея оснований, поскольку самого предмета не видит, а видит только два его изображения, два одинаково догматических образа) сделать самостоятельно решительный шаг. Скептик поэтому всегда оказывается в грустном положении буриданова осла.

Поэтому у скептика (у разочарованного догматика) все же больше шансов понять самую вещь, самый реальный предмет спора, чем у догматика закоснелого, – тот самый предмет, который одному догматику кажется «А», а другому – «не А». Скептик перестанет быть скептиком, если ему удастся объяснить, почему один и тот же предмет в одно и то же время одному догматику представляется в образе «А», а другому – в образе «не А».

Диалектическое мышление, согласно Гегелю, включает в себя скепсис – разумную дозу сомнения, которая не дает научным положениям застыть, окаменеть, превратиться в «догму». Но в таком качестве это уже не «скепсис», а просто разумная самокритичность – критичное отношение ко всем абстрактным формулам, умение постоянно соотносить их с конкретной действительностью, проверить их в столкновении с фактами.

Живой диалектический ум не составишь из двух одинаково мертвых половинок: из «догматизма» и «скепсиса», хотя именно на эти составные части он и разлагается, умирая (как вода не есть простая смесь кислорода и водорода, а есть нечто новое третье).

Ум – это живое диалектическое единство «несомненного» с «сомнением», системы ясных и четких научных истин – с критичным отношением к любой из них.

«Все подвергай сомнению» – этот девиз философа Декарта был любимым лозунгом в жизни Карла Маркса как философа и как экономиста, как человека и революционера.

Но что выдержит такое сомнение – на том уж стой твердо. Так что если вы хотите воспитать из человека законченного скептика и маловеера, то нет для этого более верного способа, чем догматическое «вдалбливание» ему в голову готовых истин, «абсолютных и несомненных формул».

И наоборот, если вы хотите воспитать человека, не только твердо убежденного в могуществе научного знания, но и умеющего применять его силу для разрешения противоречий живой жизни, то примешивайте к «несомненному» разумную и в этом случае безвредную дозу сомнения.

А для воспитания в себе диалектического ума «не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (Ф. Энгельс).

Так не стоит ли поинтересоваться ею всерьез уже в молодости?

Э. Ильенков,
старший научный сотрудник
Института философии АН СССР
кандидат философских наук